

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Годовщина

За окном быстро сгущались сумерки. Тень от початой бутылки вина нервно дрожала в качающемся от моего дыхания свете двух ярко-красных свечей, перевязанных шелковыми ленточками. Вино в бокале в моей руке медленно вращалось, оставляя на стенках розовые потеки. Телефон на столе молчал. И я ненавидела его за это молчание.

Сегодня наша годовщина. Ровно три года, как мы вместе. И я уже отмечаю ее одна.

Он позвонил еще три часа назад, сказал, что уже едет. Я знаю — на дорогу ему нужно никак не меньше часа, поэтому, не теряя ни минуты, я бросилась наряжаться. Разумеется, мой наряд уже давно был подготовлен и продуман до мелочей, разумеется, мне оставалось только надеть его и накраситься. Я ждала только его звонка...

Затягивание корсета потребовало несколько больше времени, чем предполагалось, но мне все равно удалось уложиться в срок. Через час после его звонка я уже была одета... точнее, раздета. Темно красный корсет с кружевами и шелковой шнуровкой по бокам, который выгодно подчеркивал обнаженную грудь, маленькие ярко-красные трусики с сердечком на самом интересном месте и почти черный шелковый халатик, прозрачный и короткий ровно настолько, чтобы намекнуть, что я не вполне одета под ним, но не дать окончательного ответа на вопрос, чего же именно не хватает.

Через час он не пришел.

Я позвонила, но он не ответил. Второй звонок также закончился длинными гудками. В ответ на третий я получила короткое хлесткое: «Еду» и короткие гудки. Все остальные с периодичностью раз в десять минут встречали сухое машинное: «Абонент находится вне зоны действия сети...»

Какие мысли возникают в женской голове в подобных обстоятельствах, думаю, рассказывать не стоит.

По истечении второго часа бесплодного ожидания я достала из холодильника первую бутылку вина. Это было его любимое крепленое.

Первый бокал я проглотила через силу. Второй пошел чуть легче и к моему удивлению принес спокойствие. Третий и вовсе пролетел как по маслу. А когда начало темнеть, я зажгла свечи.

Против моих ожиданий первая бутылка оказалась не бездонной, поэтому вскоре с балкона принеслась вторая — уже с моим любимым мартини.

Третьей стал красный «сухарик», которым я откровенно давилась...

Вдруг тишину пустой квартиры разорвал звук дверного звонка.

Назойливый треньк повторился трижды, прежде чем я сообразила, что мне следует открыть дверь.

Шатаясь и хватаясь за стены (однако, этот «сухарик» хорошо дал в голову!) я подошла к двери и без вопросов и заглядываний в глазок распахнула ее.

На пороге стоял незнакомый здоровенный мужик с охапкой красных роз. Свет от подъездной лампочки светил мне прямо в глаза, что после полумрака в кухне было довольно болезненно, и мешал рассмотреть лицо моего гостя. Он красноречиво повел головой сверху вниз, чуть задержавшись взглядом в районе груди, и только тут я вспомнила, что халат у меня не завязан. Мне стало как-то даже неловко, и я попыталась завязать поясок левой рукой,

поскольку в правой по-прежнему держала бокал с вином.

— Инна Сергеевна? — прогромыхал мужик.

Я робко кивнула, все еще сражаясь с непослушным пояском.

Он молча протянул мне цветы, развернулся и направился к лестнице. Поясок скользнул на пол.

Я захлопнула дверь и вдруг заметила маленький белый прямоугольник. Сердце бешено забилося — так вот почему он задержался! Ах, как же я его люблю! Ах, какой же он умница! Цветы последовали за пояском, а я, держа заветную картонку двумя руками (а бокал? Уронила, что ли? А, какая разница!), прибежала в кухню. Свечи догорели уже до половины и давали вполне достаточно света, чтобы я смогла прочитать записку, не включая лампу.

«Дорогая Инна Сергеевна», — гласила записка, написанная аккуратным, даже изящным почерком, — «я давно мечтаю познакомиться с Вами, и вот сегодня мне представилась такая возможность. Будьте так любезны, выгляньте в окно».

Под окном стояла черная машина, сверкая отполированным кузовом в свете фонарей, а возле ее передней двери стоял мужчина в темном пальто. Он прижимал руку к уху, и я поняла, что он звонил, только когда на столе зажужжал и запиликал мой телефон.

— Инна Сергеевна, — какой мягкий голос! Прямо мурлычет, а не говорит... — Одевайтесь и выходите.

— З... зачем? — язык заплетается. Стыд-то какой... Ой, еще и у окна да в таком виде... Но голос...

— Увидите... — и короткие гудки.

Ну что ж, раз уж мой благоверный решил оставить меня голодной в такой день, не пропадать же зря настрою! Конечно, в неглиже не пойду, но и сильно переодеться не буду...

Мой шкаф, как, впрочем, шкаф, наверное, любой женщины любого возраста и достатка, это зона отчаяния и повод для слез. Причем совершенно не важно — висит в нем полтора платья, перешитых из бабушкиных простыней и гардин, или вся последняя коллекция какого-нибудь супер-пупер дизайнера. Вопрос: «Что надеть?» неизбежно вытекает в ответ: «Надеть нечего».

Эти джинсы меня полнят... Эта кофточка давно вышла из моды — боже, и почему я не выбросила ее раньше?... Это платье... в нем я еще на выпускной ходила!... А эту юбку давно пора пустить на тряпки... О, вполне симпатичная блузочка... а, нет, не блузочка, а пижамка... А эта? Миленько... но категорически не то...

Переворотив свой шкаф сверху донизу, заглянув даже на полку своего ненаглядного, я, конечно, нашла нечто более-менее подходящее случаю, но скорее менее, чем более. В меру скромное, в меру короткое, в меру мрачное темно-серое платьице с большим черным шелковым бантом на шее. Раньше оно висело на мне, как на вешалке, оттого, видимо, не так сильно истрепалось, как того требовал его возраст. Натянула я его прямо поверх корсета, не заботясь о том, чтобы надеть бюстгальтер, хотя соски, едва их коснулась мягкая шерсть трикотажа, тут же встали дыбом. Пусть смотрит и облизывается...

Макияж тоже пришлось немного подправить...

В общем, на сборы ушло около сорока минут.

Когда я, наконец, вышла, мой таинственный поклонник по-прежнему стоял возле машины, несмотря на то, что пошел дождь.

— Прощу, — он галантно открыл передо мной дверцу.

— Может, хоть представитесь? — ах да, я решила разговаривать с ним так, будто я страшно

раздражена. Выдержит — отлично, нет — ну и скатертью дорожка...

И да, я немного протрезвела, пока собиралась...

Он сел рядом со мной и кивнул водителю.

Я скрестила руки на груди и отвернулась к окну.

— Николай, — его рука беспардонно легла на мое колено и поползла под юбку.

Я брезгливо сбросила ее, хотя отметила про себя, какой мягкой была кожа на его ладони.

— Очень приятно, — я скривила губы.

— Взаимно, — его рука осталась лежать там, куда я ее отбросила — рядом с моей ногой.

— Шампанского? — он вдруг качнулся вперед и извлек откуда-то характерной формы бутылку зеленого стекла.

— Я шампанское не пью, — буркнула я, отметив про себя, что бутылочка хоть и стандартная, а вот этикеточка очень даже элитная. И во рту тут же появился вкус — чуть терпковатый, сладкий с кислинкой с привкусом изюма и запахом летней ночи...

— Ну, как хотите... — он откупорил бутылку и быстро наполнил два бокала.

Я невольно облизнулась.

— А куда мы едем? — так, а куда делось раздражение из голоса?

Он протянул мне бокал.

— В ресторан...

Я хотела что-то сказать, но поперхнулась и машинально сделала глоток из своего бокала...

Да, это именно оно...

Рестораном он презрительно назвал, вероятно, самое шикарное заведение нашего города. На самом деле это целый развлекательный комплекс — казино, ночной клуб, сауна, два ресторана европейской и японской кухни и еще один клуб-ресторан на пришвартованном тут же у причала пароходе. И повел он меня сразу на пароход.

Честно говоря, раньше я только слышала об этом месте от своих подруг. Читала о нем в интернете. Роняла слюнки на фотографии блюд и интерьеров, на наряды приходивших сюда дам, на обилие золота и бриллиантов, на хрустальные люстры и нарисованные порошком какао сердечки на пенке капуччино. И, конечно, и мечтать не смела прийти сюда. И уж тем более не думала, что в первый раз меня сюда приведет посторонний мужчина, а не родной муж. А о том, что это случится на нашу годовщину, и подавно...

Оказалось, что столик он заказал заранее. Администратор в платье раза в два дороже, чем мое, провела нас к столику, где уже ожидала официантка с меню наперевес.

Николай галантно усадил меня на мягкий стул с высокой спинкой, сам сел напротив и принял из рук официантки тяжелую папку.

— Что вы будете? — он протянул мне меню.

— Я... — откуда этот комок? Где мое раздражение? Где высокомерие и неприступность? Что я теку как школьница во время первого танца с мальчиком из параллельного класса? — Закажите что-нибудь на ваш вкус...

Он ухмыльнулся и жестом подманил официантку...

А вкус у него оказался отменный. Всех названий я по скудости фантазии и по нетрезвости ума, конечно, не припомню, но то, что каждое блюдо было восхитительным, волшебным и просто таяло во рту, помню отлично.

И вино — куда уж тому «сухарику», которым я пыталась залить свое горе? Даже мужнино крепленое и мой мартини не шли ни в какое сравнение. Скажу больше — то шампанское,

которым поил меня в машине Николай, было просто гадкой бурдой на фоне того благородного вина, которым он угощал меня сейчас.

После плотного ужина были танцы. Естественно, танцевали не мы, а специально обученные девушки — молодые, длинноногие, похожие на крепкие наливные яблочки без малейшего намека на жир, целлюлит, дряблые животики и прочие женские проблемы. А уж когда эти красотки начинали раздеваться... Мда, я, конечно, не из «этих», но вид точеных грудей и бесстыже прикрытых лишь полупрозрачными трусиками лобков, меня возбуждал. А может, все дело в вине?

В общем, я не помню, как мы оказались с Николаем в отдельной комнатке, как он расстегнул мое платье и стянул колготки. Помню только нежные прикосновения его пальцев к моей киске, его шелковистые губы на моих сосках и то, как он возился и пыхтел над крючками корсета. Я же, в свою очередь, намучилась с пуговками на его ширинке.

А потом был секс. Наверное, самый страстный, жаркий и чувственный за все три года моей супружеской жизни. Его язык порхал бабочкой по моим половым губам, заставляя мое тело выгибаться против моей воли, его пальцы проникали внутрь все глубже и все активнее хозяйничали там, готовя место для его совсем немаленького дружка.

И я умирала и возрождалась.

А когда он вошел, мое опьяненное вином и его ласками сознание и вовсе сделало мне ручкой и попросило до утра не беспокоить...

— Вам понравилось? — спросил он, когда мы уже сидели в машине и ехали в сторону моего дома.

Его вопрос поставил меня в тупик. Не то, чтобы я знала, что должен говорить или о чем должен спрашивать мужчина после секса с замужней дамой, но уж точно не об этом.

— Д... да... — выдавилось из меня с трудом, и сами собой дернулись плечи.

— Отлично, — он достал из внутреннего кармана пиджака свой мобильный.

— Алло, Виталик?... Все, можешь считать, что ты мне ничего не должен...

Я чуть не задохнулась от возмущения. Виталик! Моего мужа зовут Виталик...

Николай посмотрел на меня с торжествующей ухмылкой.

Подлец! Как он мог? Использовать меня... ?

Слезы потекли как-то сами собой...

— До дома довести или хочешь прогуляться? — в его голосе звучала насмешка.

Боже, как же я не заметила, какое у него гадкое лицо?! И эта бородавка возле носа, и морщины на лбу... Сволочь...

— Ты красавица, — вдруг посерьезнел он, — но когда злишься, появляется в тебе что-то совсем неземное... Я хочу видеть тебя всякой — и довольной, и расстроенной, и радостной, и злой... Бросай ты своего Виталика — он тебя за десять штук зеленых продал, а тебе даже платья приличного не купил... А я дам тебе все. Видела тот пароход? Он мой. Захочешь, я его тебе отдам. Тряпки, побрякушки — все, чего только не пожелаешь...

— Сво... сво... — мне хотелось сказать ему это, но под этим взглядом и после этих слов язык не поворачивался.

— Если тебе станет легче, ударь, — он опустил голову. — Я знаю, что поступил низко, но... я должен был раскрыть тебе глаза на него... чтобы ты поняла...

— Д... домой... — почему так стучат зубы? Как гадко...

Он молча кивнул и дал знак водителю.

Войдя в квартиру, я, шатаясь, побрела в кухню и только там разревелась в голос.

Он... они... использовали меня. Как вещь. Как бездумное тело. Как резиновую куклу. Один продал, другой купил. Все просто — товарно-денежные отношения.

— Инна, Инночка, детка, не плачь, не надо, — Николай?

Он крепко обнимал мои плечи и обсыпал поцелуями щеки.

— З... за что... ? За что... мне это? А? В чем... я... прови... нилась? — он прижал мою голову к своей груди.

— Перестань, маленькая, не надо. Ты ни в чем не провинилась. Это мы, сволочи и подлецы... Прости меня... я не должен был... Пожалуйста...

— Ах, ты ж... — Виталик?!

Николай вдруг дернулся, но меня не отпустил, продолжая прижимать к себе, закрывая своей широкой спиной.

— Сука... шлюха подзаборная... шалава... — я чувствовала каждый его удар, хотя они приходились по спине Николая.

— Не прощу, сука... чтоб ноги твоей...

— Виталик, перестань! — крикнула я, и он вдруг умолк и перестал бить.

Николай отпустил мои плечи.

— Не прощу, сука... — бормотал Виталик, роясь в ящике со столовыми приборами.

И мне вдруг стало страшно:

— Не делай этого, Виталик... — шептала я. — Не делай...

Ящик грекнул, закрываясь, Виталик развернулся ко мне. В этот момент Николай перехватил его руку с ножом, а я закричала и закрыла голову руками...

— Все...

Николай сидел на табуретке, низко свесив голову. Его руки были в крови. Возле стола лежал Виталик, и нож торчал в его груди.

— У тебя руки... — я подползла к Николаю на коленях. — Перевязать надо...

* * *

После тех событий прошел год.

Мы теперь живем с Николаем. Как он разрулил ту историю, я не знаю — он не рассказывал, а я не спрашивала.

В остальном у нас идиллия. Он меня понимает, как никто. Знает, как довести меня до белого каления, но и знает, как быстро успокоить.

После похорон он забрал меня к себе, так что... Да, теперь я не просто замужняя дама, а дама с приданым. Есть у меня своя отдельная комната, гардеробная, которую я могу пополнять, когда хочу и как хочу, куча платьев на выбор, под каждую пару туфель несколько сумочек, под каждую сумочку десяток шляпок и шарфиков, и перчатки на все случаи жизни...

Тогда с какого перепугу потянуло меня в эту квартиру? Еще и именно сегодня — на годовщину...

Для Коли я, конечно, придумала отличный предлог — у меня там остались какие-то дорогие моему сердцу вещицы. Он со снисходительной улыбкой согласился — решил, небось, что стареющие дамочки чересчур сентиментальны.

Не без дрожи в руках открыла замок, вошла в прихожую, потом в кухню... Эти красные пятна от двух оплавившихся свечей, как следы крови на столе. Помню, как перед похоронами отдирала застывший парафин и оплавившийся шелк...

Так тихо... Странно — а что я надеялась тут найти? Даже не знаю...

Но не возвращаться же, в самом деле, с пустыми руками? Сказала, что забыла какие-то безделушки, значит, надо что-то взять, чтоб предъявить в случае допроса... Смешно, как будто я совершаю какое-то преступление и мне придется оправдываться...

Прошла в спальню... пахло пылью... и темно, наверное, из-за пыльных гардин.

Открыла шкаф... что бы взять? Странно, что это белье так лежит? Ох, уж эти мужики — вот прямо больные будут, если положат постельное белье в шкаф аккуратно! Оно же мнется... Что это? Диктофон?..

«Значит, так, Виталик, у тебя есть два пути — либо ты возвращаешь мне всю сумму с процентами, либо находят тебя на дне реки с камнем на шее. Ясно?» — это голос Николая? Ничего не понимаю...

«Я... отдам... только... мне время нужно... чтобы деньги... найти...»

«У тебя времени было больше, чем достаточно...»

«Ну, пожалуйста... еще месяц... и я все верну...»

«Знал бы ты, Виталик, как часто я это слышу. «Еще месяц, я все отдам». А знаешь, что потом? А ничего. Никто ничего не отдает. Поэтому давай сделаем вид, что месяц уже прошел, ты денег не нашел — да и не искал нихрена — и вот сидишь ты здесь передо мной весь такой несчастный и просишь еще об одной отсрочке. Нет, дорогой, меня такой расклад не устраивает. Гони бабки».

«Нет у меня!»

«Знаю, что нет. Были бы, не брал бы в долг. Зато у тебя кое-что другое есть. Женка твоя — очень она мне нравится... « — подлец...

«Инку-то? Бери!» — что?!

«Вот прям так сразу, да? Пришел, на диван повалил и взял? Это не интересно, Виталик, понимаешь? Не ин-те-рес-но».

«Чего же ты... хочешь?»

«Хочу, чтоб она совсем моей была. Не на время, а моей женой».

«Я дам развод — не проблема!»

«Болван, проблема не в твоём разводе, а в ней, понял? Хочу, чтобы она со мной по доброй воле, по своему желанию осталась...»

«Ну... есть один способ... Слабость у нее — она, когда выпьет, плохо соображает. Главное, с дозой не ошибиться, а то у тебя не баба, а бревно храпящее будет... А еще заводится она с полоборота... Момент надо подобрать, когда она хочет, даже ждет, потомить немного, а потом...»

«Это не то. Я не хочу ее банально соблазнить — я и без твоих секретов знаю, как бабу на лопатки уложить...»

«Погоди, ты ж не дослушал... А потом появляюсь я — ревнивый муж. Ах, ты ж сука, ты-ры, пы-ры. Ты ее, как настоящий рыцарь, защищаешь, и все — принцесса твоя...»